

К о в а р н о с т ь .

Когда швой другъ на гласъ швоихъ рѣчей
 Ошвѣшшшвуешъ язвишельнымъ молчаньемъ ;
 Когда свою онъ ошъ руки швоей ,
 Какъ ошъ змѣи , ондернешъ съ содроганьемъ ;
 Какъ на себя взоръ оспрый пригвоздя ,
 Качаешъ онъ съ презрѣньемъ головою ; —
 Не говори : „онъ боленъ , онъ дыша ,

Онъ мучишся безумною шоскою.“

Не говори : „неблагодарень онъ ;

Онъ слабъ и золь , онъ дружбы недостоинъ ;

Вся жизнь его какой-шо шяжкой сонъ.“ . . .

Ужель шы правъ ? ужели шы спокоень ?

Ахъ , если шакъ , онъ въ прахъ гошовъ упасшь ,
 Чшобъ вымолишь у друга примиренье .

Но если шы свяшую дружбы власшь
 Упошребляль на злобное гоненье , —

Но если шы занѣйливо язвиль

Пугливое его воображенъе ,

И гордую забаву находиль

Въ его шоскѣ , рыданьяхъ , униженъѣ , —

Но если самъ презрѣнной клеवेशы

Ты про него невидимымъ былъ эхомъ , —

Но если цѣпь ему накинულъ шы

И соннаго врагу предашь со смѣхомъ , —

И онъ прочель въ нѣмой душѣ твоей
 Все пайное своимъ печальнымъ взоромъ ; —
 Тогда спунай, не спрашь пустыхъ рѣчей :
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

А. Пушкинъ.

Аккерманскія степи.

(Изъ Мицкевича).

Въ океанѣ сухомъ и безбрежномъ плывешь
 Колесница моя , почно въ морѣ ладья.
 Средь играющихъ водъ , — по лешипъ , по нырнешъ ,
 Средь волнистыхъ луговъ , средь разлива цвѣшовъ ,
 И проносишься мимо гряды осшрововъ
 Ярко-цвѣшущихъ бурьяна.

*

Вошь покрыла все мгла ; ни спези , ни кургана.
 Какъ все мрачно окресшь , — пушеводныхъ нѣшь
звѣздъ ,
 Облачко́ вошь блещишь и заря ужъ горитъ :
 Нѣшь , шо блещешь шамъ Днѣстръ , шо маякъ Аккер-
мана
 Тамъ запылалъ въ вышинѣ.

*